



Надо мной живёт Всевышний...

ЕЛЕНА ВОРОБЬЁВА

Ева

Не глупа, скажи, я не глупа ли?
Вот меня по имени назвали.
Говорят, из твоего ребра я,
Чтоб с тобой делить прохладу рая.
Вот я вижу жимолость и злаки,
Где играют кошки и собаки.
Всё в восторге мир благословляет,
Каждый мира слез запоминает.
Я иду к тому, слегка тревожась,
Кто мне райских радостей дороже,
Кто позволил мне на свет родиться,
Как из скорлупы выходит птица,
Как гора растёт из преисподней.
И в его руках дышу свободней.

* * *

А кошка гуляла сама по себе,
И так доверяла кошачьей судьбе,
Что не укрывалась, что не береглась,
Свои девять жизней сгабить не боясь.
И градины крупные били не раз,

И люди беспечные метили в глаз,
И ветром тянуло к чужим городам,
И голод прилипчивый шёл по следам.
Но только напрасно и дождь, и пурга,
И сумерки, рыкая, как на врага
Её обступали. По кромке земли
Она продвигалась туда, где вдали
Мерцало, как красные блики в бору,
Когда свет и тень затевают игру,
То самое, что не узнаешь, пока
Находка не станет смертельно близка.

АННА ШИЛЬЦОВА

Какой сегодня яркий синий день!
И все исчезли прежние тревоги.
И как рукой сняло былую лень,
И кажется, открыты все дороги.
Качает солнце на своих плечах
Печальный отзвук нежности далёкой...
И чувствуешь себя в его лучах,
То ли беспечною, то ли одинокой.

Пойдём

бродить по улицам прошлой весны,
Которые так и остались зимними,
Которые стали слишком тесны,
Окутанные тенями полусиними.
Чувствуешь,
как ветер сдувает морщины
С усталых деревьев,
срывает почки...
Я напишу об одном мужчине,
Как о поэме,
сотканной из голубых перьев —
На каждой ветке
по одной строчке.

ВЛАДИМИР ИКОРСКИЙ

Казанский Кремль
Века историю верстали.
И вот с кремлёвского холма
Надменно, будто с пьедестала,
Глядит История сама.

Казанский Кремль не православен,
По-царегрозненски суров.
Здесь дух замешан на Исламе,
Но православный чтят народ.
В Кремле мечеть для правоверных
Стоит в лазури голубой
И красотой неимоверной
Ведёт к Аллаху за собой.
На минаретах полумесяц
На Мекку смотрит остриём.
На мостовой к священной Мекке
Рисунок камня устремлён.
Ворота рядом расписные.
На них Луны и Солнца свет.
Соединяются святые
В любви Христос и Магомет.
Супруга хана Сююмбике
Разбилась с башни, говорят,
Чтобы остаться верной Мекке,
Не стать в Москве женой царя.
Казанка плещет у подножья,
У стен кремлёвского холма.
И по российскому Поволжью
Летит свободная молва.

Поздравляем юбиляра

Тамара Григорьевна Шаропова родилась 9 июля 1937 года в семье военного. Закончила Московский инженерно-физический институт и сорок пять лет трудилась на предприятиях Минсредмаша и авиационной промышленности. Имеет двоих детей, четверых внуков, четверых правнуков.

Первое опубликованное стихотворение — «Родной газете» (в «КП» №168 от 18.11.1995 г.) сразу победило в конкурсе стихов, посвящённых «Калининградке»: «Калининградка» дорогая! / Ты сердцу много лет мила. / Реальность жизни отражая, / Со мною вместе ты росла. / Всегда дорожку по карману, / В подписке лидером слывёшь, / В неделю трижды без обмана / Нас по событиям ведёшь. / В минуту горестей — утетишь, / При неудачах — подбодришь. / Хороших — похвалой отметишь, / А негодаев — заклеишь. / Коль добрый человек родился, / Ты поздравление пришлешь, / А чтобы он с пути не сбился, / Ты спутника ему найдёшь! / Тебя с улыбкой благодарной / «Калининградочкой» зову / И за тобою, популярной, / Хоть в воду, хоть в огонь пойду!»

В городское литобъединение Тамара Григорьевна пришла в 2015 году. И сегодня мы поздравляем её с юбилеем. Крепкого здоровья, творческих успехов, сердечной радости! Многая лета!



Коллеги по ЛИТО им. А.С. Новикова-Прибоя

ТАМАРА ШАРАПОВА

Любовь

Что такое
дождь?
Это капли туч.
Винограда гроздь?
Это солнца луч.
Я одна в саду,
Грусть-печаль моя,
Двадцать лет,
как жду,
Ненормальная,
Что вернёшься
вновь
И зажжёшь свечу,
Так крепка любовь,
Что за всё прошу.
Но сегодня вдруг
Нить оборвалась.
И замкнулся круг,
Я не дождалась.
Сквозь слезу молчу,
Траурно в тиши,
Я зажгу свечу
За помин души.

В больнице

Гляжу
в больничное окно:
Сидят вороны
на берёзе,

В их неподвижной,
жалкой позе
Уныние заключено.
Сегодня первый
день весны,
А солнышко
про нас забыло,
И небо серостью
накрыло,
Тревожные
приходят сны.
Вороны — серы
и глухи,
Приклеились
с тоской
к берёзам,
Стремлюсь
к забытым
втайне грёзам
И хочется
писать стихи...
Прославлю ветер,
снег, дожди
И гимн спою
промокшим
птицам,
Всему, к чему
душа стремится.
Уверенность,
ко мне приди!
Господь, услышь
и жизнь продли!

Ты

О тебе мне хочется
мечтать,
И, проснувшись,
часто говорю:
— Мой любимый,
что ещё желать?
Слава Богу,
я живу-творю.
Если утром
за окошком дождь,
Солнце улыбается
в душе.
И уходит
непогода прочь.
И не так мне
холодно уже.
Если вдохновенья
дефицит,
Не приходит
нужная строка,
Образ твой
внезапно посетит —
Унесёт поэзии река.
Много песен
спето о любви.
У меня
придумана своя.
Наберись
терпенья, подожди.
Эта песня
будет для тебя.

Книжная полка

Игорь Кулагин: «Оттолкнуться и лететь...»

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВА,

член Союза писателей Москвы. Фото автора.

Давно выдумала упражнение: каждую книгу стихов сравнивать с чем-то вещественным, зримым. Есть сборники как солнечный блик в прозрачной воде, есть похожие на звонкий цыганский бубен; иные точь-в-точь застенчивая ромашка у белоногой берёзы.

Читая новую книгу Игоря Кулагина-Шуйского «Музыка любви», презентованную в Музыкальной гостиной ДикЦ «Костино», сосредоточилась — и перед глазами предстал... украшающий соседнюю улицу дуб! Огромный, побитый, но не побеждённый временем, носящий в коре следы годоидей и вросшей проволок. Весной не спеша обильно одевающийся резной листвой, а осенью засыпающий дорожку множеством крупных кареглазых желудей. Сперва решила, образ навеян предвещающим сборник стихотворением мамы автора Лидии Семёновны «Дубок». Но сходство с гордым деревом коренится гораздо глубже. Эта поэзия вырастает из корневых исторических, народных (поэма «Крест Иринарха» о Смутном времени и судьбе князя-воеводы Михаила Скопина-Шуйского); корней родовых, столь важных для Игоря Викторовича, судя по строкам разделов «Лихушинский сад», «Завалило Иваново снегом...» — строкам, посвящённым матери, деду, дядьям, в том числе поэту-фронтовику В. Жукову. Тут в пору заметить строчками Кулагина: «Хитро и удивительно / Сплетает жизни Бог!» Все помнят песню Ю. Антонова «Снегири» на стихи М. Дудина. А посвятил их Дудин своему давнему другу Володе Жукову!

Поэзия Кулагина питается соками родной земли, подарившей ему и царский псевдоним «Шуйский», и ощущение причастности к судьбе Родины. Я успела полюбить родимые пятнышки «Шуи-матушки»: Воскресенский храм, Осиновую гору, Мельничное, Гумнищи. И реки (которые в большой чести у деревьев): Теза, Сеха; а дальше — разбегающиеся по страницам чудные имена: Уча, Улейма, Уводь, Клязьма. Поэт подтверждает «растительную» ассоциацию: «Без

Игорь КУЛАГИН

В гостях сегодня был уже мороз,
Но я ещё на солнце уповаю...
Заиндеветию, последнюю из роз
В моём саду я для тебя срезаю!

Притяжение

Казалось бы, что ещё проще —
Сесть в поезд и ехать назад,
Туда, где за Марьиной рощей
Светлеет Лихушинский сад.
Где сеют юрчаковских свечи
Горят на высоком юру;
Где старые липы при встрече
Протянут мне тысячи рук...
Но все мы невольники дела:

Мы рвёмся — да цепи крепки.
Ты знаешь, «Мозу» и «Хотел бы», —
Как берега два у реки.
Лишь память мою не отрезать,
И где бы мне быть ни пришлось,
Я вижу, как ластится Теза
К ногам белорудых берёз.

К тебе незримо,
Нитью паутинки,
Стежками лёгкими
Пульсирующих строк
Пришит я накрепко
И чувствую былинкой
Себя, взирая
Жадно на восток,
Где всходит солнце,

Радость обещаю
Дня нового...
Я — ожиданье весь!
Что знаю я?
Я ничего не знаю.
Я слышу только
Сладостную песню!

Я живу под самой крышей.
Надо мной живёт Всевышний.
Надо мною — облака!
К букве — буква, к слову — слово...
Вот уже строка готова,
Под стихом ложится стих.
А в стихах про то, что псих
Некий жил под самой крышей
И писал по тихой вирши.

